

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)
Институт философии

Зав. кафедрой
конфликтологии
_____ А.И. Стребков

Председатель ГЭК,
профессор
_____ Е.А. Петраченко

Выпускная квалификационная работа на тему:

Политический конфликт в обществе агональной демократии

Специализация 034000 – Конфликтология

Рецензент:
к. филос. н., доцент
Вадим Юрьевич Перов
_____(подпись)

Выполнил:
Студент
Кечик Александр Владимирович
_____(подпись)
Научный руководитель:
к. соц. н., доцент
Даур Арнольдович Абгаджава
_____(подпись)

Санкт-Петербург
2016

Оглавление

Политический конфликт в обществе агональной демократии.....	1
Введение.....	3
Глава 1. Теоретико-методологические основания анализа общества агональной демократии.....	6
1.1. Постмарксистская модель современного общества.....	6
1.2. Агональная демократия как постмарксистская концепции.....	15
Глава 2. Политический конфликт в современном обществе.....	30
2.1. Природа и типы политических конфликтов.....	30
2.2. Перспективы регулирования политических конфликтов в обществе агональной демократии.....	37
Заключение.....	44
Список литературы.....	47

Введение.

В настоящее время происходят важные процессы в политической мысли современности: классическое восприятие общества наукой постепенно меняется под влиянием философии постструктурализма. Данная работа является попыткой привести пример этого процесса, путем рассмотрения концепций постмарксистов, а также их критического анализа.

Актуальность темы исследования. В настоящее время общественные науки совершают некоторую переоценку теорий, ранее воспринимавшихся как данность – классовой структуры общества, детерминированности развития общества определенными законами и т.д. Трудно переоценить значимость подобного процесса: критический анализ положений, ранее воспринимаемых как аксиомы, потенциально способен выявить новые факторы, влияющие на общественную жизнь, обнаружение которых с позиций классических теорий было невозможным.

Постмарксизм – одно из основных направлений современной политической теории общества, влияющее на академические дискуссии в западной и российской науке. Представители постмарксизма, анализ чьих теорий и послужил основой данной работе, создали целостную систему для анализа общества, как меняющейся и открытой системы смыслов. Нетрудно понять, что подобное восприятие общества, неизбежно приводит к переоценке существующих общественных явлений, в частности такой политической системы, как демократия. Изучение постмарксистской критики современной демократии потенциально способно привести к определению конфликтогенных зон современного общества, которые трудно, если не невозможно, обнаружить с позиций классической политической теории. С другой стороны, критическое рассмотрение постмарксистских концепций

потенциально способно обнаружить их внутренние противоречия и, таким образом, стимулировать дискуссию по их поводу, а значит и усовершенствовать их практическую применимость.

Объект исследования – концепция общества агональной демократии в представлении постмарксистской научной школы.

Предмет исследования – политический конфликт в концепции общества агональной демократии.

Степень разработанности проблемы. Несмотря на множество сторонников постмарксизма на западе, а также полемику сторонников постмарксизма как с представителями школы классического марксизма, так и с рядом сторонников либерализма в философии, в российской академической литературе постмарксизму уделяется недостаточное внимание: почти нет русскоязычных публикаций на данную тему, а многие работы постмарксистов не издавались на русском языке, к примеру, значимый труд Шанталь Муфф и Эрнеста Лаклау «Hegemony and Socialistic strategy» так и не был переведен.

Исследование политических воззрений постмарксистов в российской традиции, таким образом, нельзя назвать исчерпывающим.

Цель курсовой работы – Целью исследования является конфликтологический анализ роли политического конфликта в модели общества агональной демократии и рассмотрение специфики регулирования и разрешения политических конфликтов общества агональной демократии.

Задачи исследования:

1. Изучить развитие идей постмарксистов, проанализировав работы авторов, чьи концепции послужили теоретической основой для

постмарксистских воззрений, проанализировать постмарксистские концепции современного общества

2. Рассмотреть агональную модель демократии, созданную в рамках постмарксистской теории, с позиций конфликтологии..

3. Рассмотреть модели протекания двух основных типов политического конфликта (межгруппового и классового) в обществе агональной демократии.

4. Выявить особенности регулирования и разрешения политических конфликтов общества агональной демократии. Проанализировать концепцию агональной демократии с позиций классического марксизма и концепции общества зрелища Ги Дебора, с целью выявления протеворечивых моментов постмарксистской теории.

Методологическая база исследования. Данная работа представляет собой результаты исследования, проведенного с помощью таких общенаучных методов, как анализ, синтез, структурный анализ. Использовались также традиционные методы историко-политологического исследования — метод сравнительного анализа, метод конкретно-исторического анализа, метод реконструкции историко-философского контекста.

Научная новизна работы состоит в том, что это первая попытка исследования работ постмарксистов с позиций конфликтологии.

Структура работы. Данная курсовая работа включает в себя введение, две главы (4 параграфов), заключение и список литературы.

Глава 1. Теоретико-методологические основания анализа общества агональной демократии.

1.1. Постмарксистская модель современного общества.

Начиная описание восприятия демократии постмарксистами, необходимо отметить, что их работы являются критикой агрегативной (определение демократии через делегирование политических полномочий народа политическим партиям, которые будут агрегировать интересы народа) модели демократии и некоторой попыткой пересмотра существующего общества с иных позиций.

«Постмарксизм - термин, используемый для обозначения позиций теоретиков, пришедших либо к полному разрыву с марксизмом и его отрицанию, либо - чаще - к его преодолению и пересмотру с антиэссенциалистских позиций»¹. Отходя от характерного для марксизма представления экономической детерминированности общества, сторонники постмарксизма переводят феномен классовой идентичности из позиции онтологически приоритетной к одной из многих возможных идентичностей (религиозной, этнической, профессиональной и т.д.). Таким образом, изменяется и восприятие общества: от постоянной борьбы классов за господствующую позицию к многополярной системе постоянно изменяющихся групп, формирующихся по различным признакам. Важным, для понимания воззрений постмарксистов понятием является гегемония, в понимании ее Грамши (добровольное подчинение): господствующие позиции

¹Современная западная философия, Энциклопедический словарь, стр. 52.

в обществе могут быть получены лишь через добровольное согласие на это других групп, то есть целью гегемона является убеждение иных в том, что он способен не только удовлетворить свои интересы, но и интересы всего общества.

Постмарксистское восприятие демократии имеет ряд общих положений воззрениями сторонников демократии обсуждения (Ролз, Хабермас): сама тема дискуссии, в которой стороны, обладающие различными ценностями и убеждениями пытаются прийти к консенсусу близка постмарксистам, за тем уточнением, что согласие между принципиально расходящимися взглядами невозможно, таким образом, дискуссия сводится к выработке правил конструктивного взаимодействия идейных противников. Однако, в отличие от сторонников демократии обсуждения, постмарксисты утверждают, что устранение противоречия между либеральной и демократической тенденцией невозможно. Именно здесь и проявляется важная особенность концепций Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф, политическая теория называется постмарксизмом. Муфф и Лаклау утверждают, что хотя уничтожить противоречие между этими тенденциями в демократии невозможно, но трудно и представить отказ современного общества от либеральных прав, следовательно, необходима разработка системы, позволяющей сохранить стабильное общество при сохранении основного противоречия либеральной демократии (т.е. противоречия либеральной и демократической тенденций). Более подробное рассмотрение теорий Муфф и Лаклау, а также некоторых других представителей постмарксизма, а также их критика современной либеральной демократии будет представлены в следующей главе.

Таким образом, можно утверждать, что именно отличие позиций постмарксистов от классических теорий, их взгляд на современную либеральную демократию с позиций иных направлений политической философии позволяют осветить проблемные аспекты, которые невозможно

обнаружить, пользуясь традиционным терминологическим аппаратом.

Обобщая предыдущие мысли, необходимо указать на следующую тенденцию развития демократии: в XX веке произошло почти окончательное подавление республиканской тенденции демократии либеральной, выразившееся в распространении и популярности агрегативной модели демократии которая «объединяла общество путем его раздробления на изолированных индивидов»². Однако, именно эта ситуация и привела к попыткам критики современной либеральной демократии с различных философских позиций. Основными направлениями этой критики можно считать концепцию справедливости Дж. Ролза, теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса и, наконец, критику агрегативной модели демократии с позиций постмарксизма, нашедшую выражение в работах Э. Лаклау, Ш. Муфф и Ж. Рансьера. Несмотря на существенные различия в этих теориях, их объединяет ряд общих свойств, таких как концентрация внимания на процессе дискуссии, как способа вовлечения индивида в политику и поиска решений для существующих в обществе проблем, а также возвращение к пониманию воли граждан, как значимого для демократии феномена. Таким образом постмарксизм отказывается от понимания демократии как общественного строя «в котором народ благодаря конкурентному избирательному процессу имеет возможность принимать или отвергать своих лидеров».³ Однако, прежде чем переходить к более подробному изложению воззрений постмарксистов, а также их применимости с точки зрения конфликтологии, необходимо рассмотреть идеи Карла Шмита и Антонио Грамши, как мыслителей, во многом задавших направление работы постмарксистов.

Говоря о постмарксизме, в особенности о воззрениях Шанталь Муфф, первоначально необходимо подробнее разобрать некоторые понятия, характерные для работ Карла Шмита, поскольку Муфф неоднократно

2 Артемий Магун «Единство и Одиночество» с. 349. Москва – Новое Литературное Обозрение. 2011.

3 Шумпетер Йозеф, Капитализм, социализм и демократия, стр. 181

обращалась к его творчеству и основала свою концепцию во многом на основе понимания политического, в основе которой лежит концепция Карла Шмитта. Важно отметить, что рассмотренный Шмитом «парадокс демократии», во многом повлиял на представления постмарксистов, в особенности на модель «агональной» демократии, созданную Шанталь Муфф. Несмотря на различия во взглядах на идеальные режимы правления, значимости либеральных ценностей и другие расхождения между консервативной позицией Шмитта и позицией теоретиков демократии, работы Шмита позволяют лучше понять многие проблемные зоны и конфликтные факторы в современном обществе. «Шмитт — это противник, у которого мы можем учиться, потому что мы можем черпать у него идеи»⁴.

Основой для понимания воззрений Шмита служит выделение им политического как особой сферы, проявляющейся в противоречии, настолько значимом для народа, что расхождение во мнениях в этом противоречии, одновременно раскалывает людей на друзей и врагов. Именно это противопоставление в массовом сознании «друзей» (людей, которые обладают сходными воззрениями) и «врагов» (чужих, само существование которых служит угрозой существующим ценностям и стилю жизни) и порождает политическое. «Смысл различения друга и врага состоит в том, чтобы обозначить высшую степень интенсивности соединения или разделения, ассоциации или диссоциации»⁵. Иными словами, политическое — это сфера общества, где определяются границы между группами, а также выстраиваются наиболее общие отношения между ними, выражающиеся в бинарной оппозиции «друг-враг».

Важно понимать, что политическое для Шмита это область неразрешимых противоречий, вопросов, по которым невозможно прийти к консенсусу, поскольку «враг» (носитель иного мнения) представляется настолько чуждым, что попытки понять его грозят утратой идентичности.

4Ш. Муфф. Карл Шмитт и парадокс либеральной демократии. Логос 6(45) 2004.

5К. Шмитт. Понятие политического.

Таким образом, идентичность выстраивается отталкиваясь от «иного» и именно здесь и появляется важная для понимания самой идеи демократии концепция гражданства. По мнению Шмита, в основе демократии лежит однородность и равенство граждан, однако само существование этого равенства между различными людьми обусловлено наличием «иных», не-граждан. «Всякая действительная демократия основывается не только на принципе равенства равных, но и на том, что к неравным нельзя относиться как к равным»⁶. Соответственно, равенство возможно лишь при существовании неравных, оно проявляется в различении отношений к ним, создавая реально воспринимаемую субстанцию равенства, отличную от абстрактной идеи равенства либерального. Хорошим примером этой концепции может служить Античная Греция: демократическое достижение, дошедшее до наших дней, общество равных, по сути своей опиралось на существование рабов, как лиц не равных гражданам, а во-вторых, и на восприятие иных культур как варварских и недостойных звания человека.

Подобное восприятие демократии позволило Шмиту утверждать о наличии противоречия между потенциально возможным единым обществом, представление о котором лежит в либеральном дискурсе, и реально существующими тенденциями развития демократии. «Когда речь идет о равенстве, необходимо проводить различие между двумя совершенно разными идеями: либеральной и демократической. Либеральная концепция равенства утверждает, что каждый человек, как личность, заведомо равен любому другому человеку. Однако демократическая концепция нуждается в возможности проведения различия между теми, кто принадлежит к народу, и теми, кто к нему не принадлежит; необходимо, чтобы существовало соответствующее неравенство»⁷. Таким образом, Шмитт проводит четкую линию разграничения между демократическим равенством, как равенством

6К. Шмитт. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма.

7Ш. Муфф. Карл Шмитт и парадокс либеральной демократии. Логос 6(45) 2004 стр. 142.

не абстрактных, но реально существующих, политически заинтересованных граждан, и либеральное равенство, как умозрительную идею о равной ценности всех людей. В качестве примера Шмитт приводит реально существующие современные государства, где, несмотря на провозглашенное всеобщее человеческое равенство, «существует категория людей, которые подвергаются исключению, будучи чужеземцами или иностранцами, и что, следовательно, никакого абсолютного равенства людей не существует»⁸.

Парадокс либеральной демократии, выведенный Шмитом, заключается в следующем, либеральная и демократическая тенденции сущностно противоположны, и, соответственно, реализация одной исключает другую. Таким образом, либеральная демократия - как таковая - не может существовать долгое время, она неизбежно склонится к одной из тенденций в своем развитии, а народ утратит либо гражданские, либо либеральные свободы.

Шмитт, таким образом, сделал важный шаг к иному пониманию общества – конфликт в его работах не просто неизбежное следствие политики, но скорее порождающее ее обстоятельство. Противоречия, существующие в любом обществе, приобретая значимость в глазах населения, создают пространство «политического». Важно отметить, что для Шмитта «политическое» - это область, где трудно представить себе рациональные, очищенные от эмоций решения, напротив – ненависть к другому и создает «политическое». Воззрения Шмитта были в дальнейшем осмыслены постмарксистами, многие аспекты его работ нашли место в трудах Шанталь Муфф, создав «фундамент» для модели агональной демократии.

Переработка Грамши идей марксизма, привнесла важное измерение в проблему изучения классового взаимодействия – культурный аспект. Грамши подчеркивал «важность «культурного аспекта», в том числе в

8Ш. Муфф. Карл Шмитт и парадокс либеральной демократии. Логос 6(45) 2004, стр 143.

практической (коллективной) активности. Исторический акт может быть свершен только «коллективной личностью», это предполагает достижение «культурно-общественного» единства, в котором множественность различных волей с различными целями спаяны друг с другом одной целью, на основе единого, всеобщего понимания мира (*перевод мой, А.К.*)»⁹. Грамши, во главу угла ставит вопрос изменения восприятия людей, исходя из понимания роли интеллигенции исключительно как авангарда, целью которого являются прояснения классовых интересов, он создает иную концепцию, где классовые интересы не существуют вне их понимания, а, скорее, создаются в ходе процесса постижения мира. Задача интеллигенции, таким образом, сводится к изменению «народного сознания», обучению людей с целью совместного поиска решений, выгодных человечеству.

Понятие гегемонии, введенное Грамши, заключается в том, что первоначально он исходил из классического понимания гегемонии как роли ведущего класса, однако в ходе его работы, это понятие расширилось до сложнейшей концепции добровольного подчинения одних групп другим, в рамках которого гегемон создает общую для всех картину мира, объединяющую общество. «Каждое отношение «гегемонии» — это по необходимости отношение педагогическое»¹⁰. Также, важно отметить, что в своих работах Грамши переосмысляет роль классового объединения, гегемония у него находится вне классов, она может как объединять, так и разделять их. « В этом движении от «политического» к «интеллектуально-моральному» уровню заключается переход к концепции гегемонии за пределами «союзов классов» (*перевод мой, А. К.*)»¹¹. Таким образом, гегемония, в понимании Грамши, в первую очередь заключается не только в добровольном принятии гегемона, как управляющего, но и в принятии

⁹ Gramsci, *Quaderni del carcere*, ed. V. Gerratana, Turin 1975, vol. 2, p. 349.

¹⁰ Антонио Грамши, Тюремные тетради, в 3-х частях. Т. 3. Политиздат, 1991. стр. 42.

¹¹ Ernesto Laclau, Chantal Mouffe, *Hegemony and socialist strategy*. Verso, London, 2001. Стр. 66. («It is in this movement, from the 'political' to the 'intellectual and moral' plane, that the decisive transition takes place toward a concept of hegemony beyond 'class alliances'»)

определенных идей и смыслов, консолидирующих общество, как верных и правильных. Основной формой объединения, замещающей классы, у Грамши становится «исторический блок», это, своего рода, группа людей объединенных в рамках существующей гегемонии, определяющей их восприятия мира и общие цели. «Интеллектуальное и моральное лидерство создает, согласно Грамши, высшую форму объединения, «коллективную волю», которая, посредством идеологии, становится цементом соединяющим «исторический блок» (*перевод мой, А. К.*)»¹².

Именно такое понимание гегемонии позволяет перейти к следующей важной особенности философии Грамши: переосмыслению роли и сущности идеологии. Грамши переходит к признанию значимости идеологии. «Идеология не отождествляется с «системой идей» или «ложным сознанием» социальных агентов; вместо этого она является органичным и относительным целым, воплощенным в учреждениях и аппаратах, которые соединяют исторический блок вокруг определенных артикуляционных принципов» (*перевод мой, А.К.*)»¹³. Таким образом, любое общество можно воспринимать не только через существующие институты, но и через разделяемые людьми воззрения, поскольку именно в них заложены основные смыслы, характерные для гегемона. Соответственно, революция понимается Грамши, в первую очередь, как процесс педагогический, процесс изменения смыслов, находящихся в сознании людей, объединения, в рамках нового исторического блока, который обусловит изменения общественного строя. Еще одним аспектом философии Грамши, который позволит лучше понять современное общество, является «фетишизация власти». Грамши определяет ее как отношения между отдельными людьми и институтами власти, которые воспринимают вышеуказанные институты, как нечто отдельное от себя, на

¹²Ernesto Laclau, Chantal Mouffe, Hegemony and socialistic strategy. Verso, London, 2001. Стр. 66. («Intellectual and moral leadership constitutes, according to Gramsci, a higher synthesis, a 'collective will', which, through ideology, becomes the organic cement unifying a 'historical bloc'»)

¹³Там же, стр. 67. («Ideology is not identified with a 'system of ideas' or with the 'false consciousness' of social agents; it is instead an organic and relational whole, embodied in institutions and apparatuses, which welds together a historical bloc around a number of basic articulatory principles»)

что они повлиять не могут. «Если каждый из индивидуальных компонентов рассматривает коллективный организм как нечто для себя чуждое, то очевидно, что этот организм фактически больше не существует и превращается в простую выдумку, в фетиш»¹⁴. Можно провести параллель с обществом либеральной демократии, где люди, способные только отдавать свой голос за того или иного политика, не видят связи между собой и государством, как и способности каким-либо образом влиять на него. Единственный способ взаимодействовать с политикой – перейти в некую «особую касту» - государственных служащих. Таким образом, возможно некоторое расхождение между действиями государства, как института власти и желаниями людей. «Коллективное сознание и, следовательно, жизнедеятельный коллективный организм образуется только после того, как масса пришла к объединению через разногласия отдельных индивидуумов, так что нельзя сказать, что «молчание» означает отсутствие массы»¹⁵.

Подводя итог, необходимо упомянуть, о «революции» в области политической теории, совершенной Грамши. Переосмыслив многие ключевые термины классического марксизма, он дал почву для исследований многих авторов, следовавших за ним. Подобное восприятие идеологии, власти и государства позволяет взглянуть на общество с иных позиций, отличных от системного анализа институтов. Как будет показано в следующей главе, используя термины, введенные Антонио Грамши, постмарксисты пришли к новой концепции демократии, которая, несмотря на ряд спорных моментов, способна решить многие проблемы современного общества.

¹⁴Антонио Грамши, Тюремные тетради, в 3-х частях. Т. 3. Политиздат, 1991. стр. 257.

¹⁵ Там же, стр. 258.

1.2. Агональная демократия как постмарксистская концепция.

Говоря о концепции агональной демократии стоит более подробно рассмотреть ряд сходных черт, характерных для каждого из рассматриваемых в этой работе авторов. Сходство проявляется как в специфическом взгляде на состояние современного общества, так и в проблемных аспектах, привлечших внимание авторов. В этой главе будут рассмотрены концепции и работы трех политических философов: Эрнеста Лаклау, Шанталь Муфф и Жака Рансьера; анализ общих для их воззрений моментов позволит вывести основные черты концепции общества агональной демократии.

Эрнест Лаклау – один из основных политических теоретиков современности, интерес для данной работы представляет в первую очередь его восприятие социального пространства и общества. Отходя от позиций классической философии, Лаклау критикует идею об объективности общественных законов. От представлений об обществе, где любая социальная форма – это проявление объективно существующих законов (таких как законы экономики у Маркса), Лаклау переходит к картине общества, существующего в отсутствии объективных законов, где каждое изменение случайно и зависит лишь от воли действующих субъектов. Подобное изменение взгляда на общество неизбежно приводит и к изменению восприятия политики: «Политика перестает быть выражением некой сущности и становится контингентным (необусловленным) перформативным жестом, создающим социальные формы *ex nihilo*»¹⁶. Таким образом, от классического восприятия политики как регулирования жизни общества сообразно каким-либо объективным законам происходит переход к политике как «самосозданию» общества, той силе, что определяет облик и пути развития общества, а также создает социальные группы, действующие в

¹⁶ Матвеев И.А. Политическая теория Э. Лакло, стр. 12.

нем. В этом и заключается дискурс политики по Лаклау, создание новых социальных форм, изменение или уничтожение старых – подобные действия реализуются в пространстве политического, которое не может быть приравнено к отдельной сфере общества. Социальные формы, характерные для определенного типа общества, создающие и поддерживающие общественную идеологию (по Грамши – т. е. систему смыслов), и есть гегемония.

Второй аспект, важный для понимания работ Лаклау – отход от классических постулатов марксизма, связанных с борьбой классов. В обществе, где не существует объективных законов, детерминирующих его развитие, не может существовать какой-либо основной, определяющей, идентичности, делящей общество на части. «Классовая борьба – лишь один из видов политики идентичности [identity politics], причем все более теряющий значение в мире, в котором мы живем»¹⁷. Соответственно, классическая концепция гегемонии пролетариата тоже меняется: вместо авторитарной диктатуры, направляющей развитие общества в соответствии с законами развития формаций, Лаклау предлагает иную концепцию «демократической» гегемонии. Данная концепция сходна с предложенной Грамши, где рабочий класс является лишь одним из представителей, совмещающим требования других групп. «Возникающая таким образом политическая общность противоположна «блоку классовых сил» Ленина, поскольку она оказывается не представленной, а произведенной, артикулированной средствами политики. Ее идентичность не является отражением экономических интересов входящих в нее социальных групп, она является чистым порождением политического жеста; это и есть демократическая практика гегемонии»¹⁸.

Еще одной характерной чертой мысли Лаклау является концепт

¹⁷Butler J., Laclau E., Žižek S. Contingency, Hegemony, Universality: Contemporary Dialogues On The Left. – L.: Verso, 2000. P. 203.

¹⁸Матвеев И.А. Политическая теория Э. Лакло стр. 16.

популизма. Восприятие «народа», противопоставленного власти, с точки зрения Лаклау позволяет по-новому взглянуть на некоторые социальные и политические конфликты. В работе «О популизме» Лаклау приводит характерный пример, где социальные требования, выдвигаемые протестующими, объединяются в их сознании, несмотря на объективные различия в их характере. «Момент сходства нельзя обнаружить в какой-либо позитивной характеристике, общей для всех требований, поскольку с точки зрения их собственных свойств все они совершенно различны. Сходство целиком основано на противопоставлении власти, находящейся по другую сторону границы, власти, которая оставляет все эти требования неудовлетворенными»¹⁹. Отдельные требования перестают быть «требованиями» (в контексте притязания на какое-либо благо), становясь символом протеста, подпитывающим идентичность его участников, теряют свое первоначальное значение, превращаясь в «пустые означающие». «Так называемая «бедность» популистских символов — условие их политической эффективности, поскольку их функция состоит в том, чтобы преобразовать гетерогенную реальность в гомогенную цепь эквиваленций, и сделать это они могут, только сведя к минимуму свое собственное партикулярное содержание»²⁰. Здесь можно заметить известную параллель с мыслями А. Бадью, который считал политику реализуемой лишь в коллективных событиях, то есть «событиях являющихся носителем некоего виртуального требования ко всем»²¹. Соответственно, анализ социального конфликта, являющегося популистским (объединяющим в своей динамике различные социальные группы), может строиться как раз на основе выявления «пустых означающих», прояснения их символического смысла для конфликтующих, а также прояснения фактических требований, которые могут быть отличными, как было указано выше, от декларируемых.

19 Э. Лакло. О популизме [Интернет-журнал «Гегтер»]. - <http://gefter.ru/archive/12049>

20 Там же.

21 А. Бадью Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике, с. 219

Подводя итог, необходимо указать на тот факт, что, несмотря на недостаточную разработанность практической стороны концепции Лаклау, можно утверждать, что потенциально его работы позволяют по-новому взглянуть на существующие в обществе конфликты, а также дают возможность для разработки новых конфликтологических концепций. Также, большое значение для данной работы, имеет его сотрудничество с Шанталей Муфф и совместно созданная ими модель радикальной демократии.

Шанталь Муфф – бельгийский политический философ, известный теоретик постмарксизма, для данной работы безусловный интерес представляет предложенная ей модель агональной демократии, а также ряд положений, выдвинутых ею, направленных на критический анализ современной либеральной демократии. Шанталь Муфф работала в сотрудничестве с Эрнесто Лаклау, их совместная работа «Гегемония и Социалистическая стратегия: по направлению к радикальной демократической политике» привнесла в политическую теорию новый взгляд на проблемы радикальной демократии.

Шанталь Муфф как постмарксист, говорит о достижении социализма, как о цели общества, однако необходимо отметить, что упомянутый общественный строй не сводится в ее теории к советской модели. Напротив, если оценивать советский строй с позиций Муфф и Лаклау, то можно утверждать, что подобная схема объединения является авторитарной, но ни в коем случае не демократической. Социализм, согласно Муфф, – это неотделимый от демократических принципов строй, демократическая коммуникация, по ее мнению, это одна из черт подлинного социализма: взаимодействие групп для достижения как общих интересов, так и интересов каждой группы в отдельности. Однако Муфф утверждает, что советскую модель необходимо изучать, поскольку «из этого трагического опыта нужно извлечь важные уроки, всерьез переосмыслив некоторые

основополагающие положения коммунистического проекта»²². По мнению Муфф, причинами искажения коммунистических идей при попытке внедрения их в реальную жизнь были, отчасти, неспособность лидеров осознать подлинную роль политического в жизни общества и попытки свести политическое взаимодействие к исключительно классовому взаимодействию. Таким образом, по мнению Муфф, для реализации коммунистических идей необходимо пересмотреть основные положения марксизма, создать новую теорию, подходящую к современным реалиям.

Совместно с Эрнесто Лаклау Муфф создала принципиально иной подход, рассматривающий социальное как дискурсивное пространство, при этом силой, структурирующей это пространство и задающей ему вектор развития, является политическое. Понятие политического не может мыслиться без двух важных категорий: антагонизм и гегемония. Подобное восприятие исключает как возможность превращения человеческого общества в некую единую тотальность, так и опровергает тезис о возможном исключении антагонизмов из общественной жизни. Важно понимать, что подобное восприятие общества является анти-эссенциалистским, а значит, любой социальный порядок признается лишь результатом определенных действий гегемона по созданию смыслов, сплачивающих людей и не детерминированных законами развития общества. «Любой порядок — это временная и ненадежная артикуляция случайно расположенных практик. Вещи всегда могли бы лечь иначе, и любой порядок предопределен исключением остальных возможностей. Он всегда — выражение особой конфигурации отношений власти. Что в данный момент воспринимается как «естественный» порядок, в одной упаковке с неизменным «здоровым смыслом», на самом деле есть результат отстоявшихся практик гегемонии; в нем невозможно отыскивать какую-то глубинную объективность, которая

22Ш. Муфф, Радикальная демократия и агонистическая политика [Интернет-журнал «Гэфтер»] - <http://gefter.ru/archive/10569>

была бы внеположна практикам, приведшим его в бытие»²³. Таким образом, гегемония для Муффа – это система устоявшихся политических практик и смыслов социальных институтов, призванных внести определенность в хаос социального.

Другим важным аспектом работ Шанталь Муффа можно назвать радикальную демократию, теоретический проект изменения политики взаимодействия групп в обществе. Данная концепция была представлена Муфф и Лаклау в работе «Гегемония и социалистическая стратегия». Радикальная демократия – теория, призванная заменить концепцию классовой борьбы марксизма, поскольку антагонизм, пронизывающий общество, не может быть сконцентрирован в столь узкой области как борьба пролетариата и буржуазии. Напротив, постольку общество по природе своей антогонично, процесс демократизации бесконечен и не может быть завершён переходом к коммунизму. «В отличие от марксизма, для которого коммунизм и упразднение государства логически подразумевают друг друга, с нашей точки зрения проект освобождения не может быть отождествлен с уничтожением всякой власти, когда социальные проблемы призваны решать агенты, умеющие видеть все дела общества как некое целое. На самом деле, навечно останется противостояние, борьба и частичная непрозрачность социального»²⁴.

Радикальная демократия может быть реализована в различных моделях, однако наиболее подходящей для современного общества представляется модель агонистическая. Началом ее создания может служить критика Муффа демократии обсуждения, по ее мнению, сторонники Ролза и Хабермаса в попытках совместить либеральный плюрализм и демократическую дискуссию упустили из внимания факт антагонистичности «политического». «Они склонны непреложно настаивать, что

23Ш. Муфф, Радикальная демократия и агонистическая политика [Интернет-журнал «Гэфтер»] - <http://gefter.ru/archive/10569>

24Там же.

демократическая политика требует убрать из публичной сферы все страсти, — именно поэтому их подход не может ухватить процесса создания политических идентичностей»²⁵. Муфф предлагает иной подход к разработке модели демократии, призванной заменить агрегативную: по ее мнению, следует концентрироваться на «типах *практик*, а не на формах *приведения доводов*»²⁶. Обращаясь к Витгенштейну, Муфф утверждает, что приверженность какому-либо принципу или идее не может быть выражена в своей целостности как вербальное, рациональное утверждение, подобное отношение не может быть полностью рациональным, оно остается некой «верой», находящей место в самой жизни индивида и его практиках. Таким образом, рациональный консенсус, рассматриваемый как идеал сторонниками демократии обсуждения, в реальной жизни в ряде случаев недостижим. «Где действительно сталкиваются два непримиримых принципа, там каждый объявит другого глупцом и еретиком. Я сказал, что стал бы «сражаться» с другим, — но разве я отказался бы приводить ему *основания*? Вовсе нет; насколько же далеко они простираются? В конце оснований стоит *убеждение*»²⁷. Иными словами, модель агонистической демократии принимает во внимание ценностное измерение конфликта, где невозможно изменение позиций сторон, а также отказ от ценностей группы ради блага общества в целом. Этот момент очень важен, поскольку подобное восприятие позволяет осмыслить политические конфликты с объективных позиций, характерных для конфликтологической мысли, и, соответственно, создать возможность для их урегулирования.

Второй аспект агонистической демократии необходимый для обеспечения адекватного взаимодействия сторон в политической дискуссии — это признание антагонистичности «политического». При таком восприятии, целью любого политического образования внутри общности становится

25Ш. Муфф, Радикальная демократия и агонистическая политика [Интернет-журнал «Гефтер»] - <http://gefter.ru/archive/10569>

26Шанталь Муфф, К агонистической модели демократии. Логос 2(42) 2004, стр. 191.

27Витгенштейн Л. *Философские работы*. Ч. I. М., 1994. С. 397.

уменьшение враждебности в обществе, создание некоторых способов взаимодействия между носителями различных убеждений, естественно склонных воспринимать друг друга как врагов. «Агонистический плюрализм» - это необходимый для агонистической модели демократии способ политического взаимодействия, цель которого заключается «в таком конструировании «их», когда «они» перестают считаться врагами, которых необходимо уничтожить, и становятся «соперниками», то есть теми, с чьими идеями мы боремся, но в чьем праве отстаивать их мы не сомневаемся. Таково действительное значение либерально-демократической терпимости, предполагающей не попустительство идеям, против которых мы выступаем, или безразличие к точкам зрения, с которыми мы не согласны, а отношение к тем, кто их отстаивает, как к законным соперникам»²⁸. Таким образом, упомянутый в предыдущей главе «парадокс демократии», выдвинутый Карлом Шмитом, снимается. Противоречие «между либеральной «грамматикой» равенства, которая утверждает всеобщность и обращается к «человеческой природе», и практикой демократического равенства, которая требует политического момента проведения различия между «нами» и «ними»»²⁹ снимается, поскольку категория «соперника» оказывается способной поддерживать как логику демократического исключения так и либерального объединения. Иными словами, Муфф, не отрицая наличия противоречия между либеральной и демократической тенденциями, создает модель, в которой вышеупомянутые тенденции находятся в динамическом равновесии. Существование «соперника» можно допустить в рамках общества, при условии, конечно, что существуют институты, позволяющие вести с ним борьбу, чего нельзя сказать о «враге». Подобное преобразование антагонизма (бинарной оппозиции «друг-враг» Шмита, где существование врага не могло мыслиться иначе, как физическая угроза собственной жизни) в агонизм (то есть, возможности существования соперников,

28Ш. Муфф, К агонистической модели демократии. Логос 2(42) 2004, стр. 194.

29 Ш. Муфф. Карл Шмитт и парадокс либеральной демократии. Логос 6(45) 2004 стр. 145.

взаимодействующих по определенным правилам с целью получения власти) «состоит не в устранении страстей из публичной сферы для того, чтобы сделать возможным достижение рационального консенсуса, а в направлении этих страстей на демократические проекты».³⁰ Подобная концепция легитимизирует конфликт между различными группами в обществе, однако, при это и создает определенные механизмы его разрешения, что существенно снижает деструктивные последствия. В своей модели Муфф создает возможность для взаимодействия сторон, конфликт между которыми с необходимостью носит ценностный характер. Именно концепция агонизма, также созданная Муфф, позволяет в определенной степени снизить напряженность между сторонами, путем, во-первых, признания невозможности плюралистического консенсуса между ними, а, во-вторых, создавая механизм взаимодействия, не требующий разделения идей «соперника»

С позиции конфликтологии проект агонистической демократии, предложенный Муфф, мыслится как способ смягчения конфликтных ситуаций в политике. Важным отличием, однако, является тот факт, что средством смягчения здесь выступает не абстрактный призыв к плюрализму и толерантному взаимодействию, но концентрация внимания на регулировании конфликтов, возникновение которых признается не просто неизбежным, но обуславливающим саму возможность политического взаимодействия. Одним из способов снижения деструктивного потенциала конфликтов в обществе является создание институтов конституирующих течение возникающих конфликтов, канализирующих их в русло полезное обществу. Очевидно, что модель агонистической демократии, где конфликт является неизбежным в процессе взаимодействия по поводу любых значимых ценностей, имеет своей целью как раз подобную легитимацию конфликта. «Своеобразие современной демократии заключается в признании и

30Ш. Муфф, К агонистической модели демократии. Логос 2(42) 2004, стр. 195.

легитимации конфликта и отказе от его подавления путем навязывания авторитарного порядка»³¹. Таким образом, модель агонистической демократии Шанталь Муфф, несмотря на недостаточную разработанность ее практического воплощения, потенциально является наиболее отвечающей современным представлениям о роли конфликта в обществе. Помимо механизмов урегулирования социальных конфликтов, которые имеются и в существующих моделях демократии, Муфф представляет и механизмы урегулирования конфликтов ценностей, которые в настоящее время представляют собой наибольшую угрозу для общества.

Идеи Жака Рансьера во многом отличаются от идей Шанталь Муфф и Эрнеста Лаклау, несмотря на то, что эти авторы принадлежат к одному направлению, а именно, постмарксизму. Однако, несмотря на различия с Муфф и Лаклау, Рансьер, выделяет сходные проблемные аспекты современного общества: как и рассмотренных ранее авторов, его внимание привлекает проблема замещения политики социальным администрированием, а также конфликты, порождаемые этим процессом. Таким образом, изучение его работ позволит лучше понять причину некоторых конфликтов в современном обществе.

Известный французский философ, Рансьер уделял вниманию вопросу равенства в государствах современной либеральной демократии. Рансьер формулирует новое определение равенства, как средства не объединяющего, а разрушающего естественные и архаические порядки, для того, чтобы заменить их «полемическими фигурами разделения»³². Таким образом, равенство является возможностью для непрерывного процесса дискуссии между группами людей, которые благодаря этой дискуссии способны выстраивать иерархию своих отношений, реальное равенство возможно лишь как готовность к диалогу, восприятию другой стороны, как разумного субъекта, имеющего определенные основания для собственных убеждений.

³¹Ш. Муфф, К агонистической модели демократии. Логос 2(42) 2004, стр. 195.

³²Там же, стр. 58

При этом, социальное равенство в значении одинаковых для каждого гражданина шансов, прав, благ и позиций Рансьеру представляется инструментом социального контроля, не имеющим ничего общего с политикой, а напротив, подавляющим политические притязания людей. «Равенство условий обеспечивает умиротворение политических аффектов посредством их полимеризации»³³. Здесь уместным будет провести параллель с концепцией «соперника» в агонистической модели демократии Шанталь Муфф: нет нужды в социальном равенстве соперников, основой агонистического плюрализма, упомянутого выше, служит как раз «равенство умов»³⁴, позволяющее признать, что, несмотря на различия в убеждениях которое невозможно свести к консенсусу по поводу ценностей, между соперниками возможен диалог по поводу решений, значимых для общества в целом.

Возвращаясь к концепции социального равенства, необходимо упомянуть, что подобный идеал, призванный решить проблемы общества, пытается достичь этого эффекта, через уничтожение политики, как дестабилизирующего элемента. «Политическое» заменяется социальным, иными словами на место дискуссии приходит рациональное управление и контроль. Рансьер приводит пример подобного нивелирования политики в лице среднего класса, составляющего основу современного общества, тех ««кто не является ни богатыми, ни бедными... кто не должен перемещаться, двигаться между своим социальным пространством и политическим центром»»³⁵. Подобное отделение граждан от политики является характерной чертой агрегативной модели демократии, где влияние граждан на политику признается деструктивным, ввиду своей хаотичности. Однако, в реальности, по мнению Рансьера, подобная политика приводит к прямо противоположным результатам, которые он характеризует как «конец

³³Жак Рансьер «На краю политического» стр. 31.

³⁴Там же, стр. 64.

³⁵Там же, стр. 33.

политического». «Реалистические утопии подвержены сюрпризам со стороны реального»³⁶. Человек, отделенный от «политического центра» социальным, перестает ощущать свою принадлежность к политике и, соответственно, к государству. Государство отныне не воспринимается как нечто реальное, на что можно повлиять («фетишизируется» если использовать термины Грамши); в подобных условиях отчуждения от политике в обществе начинают набирать силу неофашистские тенденции, подобные процессы в своих работах отмечала и Шанталь Муфф. По мнению Рансьера, именно самоустранение политического и привело к росту нетерпимости в обществе, «мирный конец политического преобразовался в его смертоносную предысторию»³⁷. Иными словами, в ситуации исчезновения политического из жизни людей, преобладания частной сферы и частных интересах, развитии идей плюрализма, которые, казалось бы, должны заменить политическое, исключить конфликт из общества, произошло возвращение к наиболее архаичным, дополитическим формам взаимодействия. Политическое, понимаемое Рансьером в своем конфликтном аспекте, заменилось социальным: неким рациональным регулированием «сверху». Таким образом, политический конфликт стал лишь конфликтом интересов, в котором противоречие может быть разрешено решением третьего лица. Ценностный аспект политического конфликта, столь важный для его разрешения, оказался неподконтролен обществу. «Политический спор отличается от любого конфликта интересов между сложившимися частями населения, поскольку является конфликтом по поводу самого учета частей»³⁸. Иными словами, для Рансьера, как и для Шанталь Муфф, политический конфликт представляется чем-то большим, чем простой борьбой за статус или ресурсы. Каждый политический конфликт подспудно включает в себя и спор относительно справедливости данного общества, разделения его на группы.

36 Жак Рансьер «На краю политического», 46

37 Там же, стр. 47

38 Жак Рансьер, Несогласие 142 с.

Соответственно, при отсутствии внимания к данному аспекту конфликта, любое противоречие потенциально обладает разрушительным потенциалом: стороны, не найдя решение, могут перейти к конфликту, где предметом будет само существование общества.

Важно отметить, значимое для Рансьера понятие обсуждения, как основного политического действия, родилась именно в Античности. Демократия не могла развиваться без возможности диалога между гражданами. Коллективное решение требует дискуссии, обсуждения между гражданами всех сторон вопроса. “Возникает необходимость составления речей, имеющих четко отточенную форму антитетических доказательств. Таким образом, устанавливается тесная связь и взаимозависимость между политикой и логосом (словом). Политическое искусство состоит, по сути дела, в умении владеть речью; и логос с самого начала осознает себя, свои правила, свою эффективность через политическую функцию”³⁹. Таким образом, в трудах античных мыслителей могут быть найдены идеи, не только не утратившие, но и увеличившие свою актуальность в наше время. Обращаясь к работам Аристотеля, Рансьер выделяет два типа конфликта, существующих в обществе, где отсутствует «политическое»: коллективный конфликт за ресурсы, имеющиеся у определенной группы или же конфликт, порожденный состоянием одиночества. Ненависть к другому – единственный спланируемый фактор, доступный людям, оказавшимся в состоянии одиночества, в отсутствии пространства «политического», дающего возможность коммуникации и взаимодействия, единственной возможностью интеграции оказалось возвращение к архаической ненависти. Рансьер делает вывод о том, что политика, как искусство противостояния между слоями общества с помощью дискуссии, «обладала плохо понятыми нами свойствами исцелять от радикального зла»⁴⁰.

В своей работе «Несогласие: Политика и Философия» Рансьер

39 Ж.-П.Вернан Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988 (1 фр. изд. - 1962)

40 Жак Рансьер «На краю политического» стр. 56

проводит важную черту, в которой можно заметить сходство с воззрениями Муффа: он предлагает разделить собственно «демократию» - под которой он понимает не форму правления, но скорее способ взаимодействия групп, равных друг другу – и «постдемократию», которая в настоящее время декларируется как современная демократия. «Постдемократия—это правительственная практика и концептуальная легитимация демократии после демоса, демократии, избавившейся от видимости, недосчета и спорности народа и потому сводимой единственно к игре государственных механизмов и сочетаний социальных энергий и интересов»⁴¹. Используя терминологию Муффа, «постдемократия» Рансьера – ни что иное, как следствие «парадокса демократии» Шмитта, - система, где демократическая тенденция оказалась подавлена либеральной.

Определяющей характеристикой демократии (в указанном выше виде) Рансьера является диссенсус – стороны взаимодействуют не для того, чтобы прийти к соглашению относительно восприятия мира и общества, наоборот, неуничтожимые различия, как в ценностной структуре, так и в социальном положении создают саму основу их диалога. Политика, таким образом, рождается из различности сторон, а политическое взаимодействие определяется признанием того факта, что ценности одной стороны не могут быть приняты другой. Здесь необходимо отметить сходство между идеями Жака Рансьера и концепцией Шанталь Муффа, нашедшей отражение в агонистической модели демократии.

Таким образом, Рансьер, исходя из посылок, несколько отличных от выдвинутых Шанталь Муфф и Эрнесто Лаклау, приходит к сходным результатам. Так, противоречие либеральной и демократической тенденций в обществе в работах Рансьера описываются как «конец» политики, вызванный замещением «политического» социальным. Однако, анализируя работы Муффа и Рансьера, можно заметить, что, несмотря на различия в

⁴¹ Рансьер, Жак, Несогласие, 144 с.

терминологии, их внимание привлекают одни процессы. Либеральная агрегативная модель демократии, являющаяся основой для современной либеральной демократии, приводит общество к состоянию отчуждения от политики, что увеличивает конфликтность и нетерпимость среди граждан. Идея либерального плюрализма противоречит демократической тенденции. Соответственно, достижение баланса между либеральной и демократической тенденции возможно лишь с созданием возможности для диалога между противостоящими друг другу группами в обществе. Концепции постмарксистов, таким образом остаются в рамках конфликтологической теории, постулируя неизбежность и необходимость конфликта для жизни общества, и соответствуя, таким образом, утверждению Дарендорфа том, что «сама мысль о бесконфликтном обществе есть акт насилия по отношению к человеческой природе»⁴²

Подводя итог, можно указать на следующие черты агональной демократии, обуславливающие специфику работы с политическим конфликтом: политика как пространство публичных дискуссий; общество признается принципиально разделенным на группы, объединяющиеся по различным признакам; и наконец, признается радикальная несовместимость ценностей различных групп и отказ от идеала плюралистического консенсуса.

42 Дарендорф Р. Тропы из утопии, стр 374

Глава 2. Политический конфликт в современном обществе.

2.1. Природа и типы политических конфликтов

Начиная анализ регулирования политического конфликта в обществе агональной демократии, представляется разумным первоначально прояснить сущность политического конфликта в его наиболее общем виде. Для данного исследования имеет смысл произвести разграничение понятия «политический конфликт» на два способа его проявления: как способ борьбы и разделения власти определенными группами с одной стороны, и как противодействие гегемону с другой. Подобное разграничение позволит более подробно проанализировать конфликторазрешающий потенциал общества агональной демократии, и, соответственно, его значимость для конфликтологии, как института регулирования конфликтов. Анализ же конфликтов типа «гегемон-подчиненные общности» дает возможность взглянуть на общество агональной демократии как инструмент классовой борьбы, оценив таким образом его по линии «революционность\реакционность». Спорная на первый взгляд, такая оценка является значимой, поскольку дискурс постмарксистов, так или иначе сводится к освободительному движению и созданию альтернативы неокапитализму. Соответственно, анализ концепции общества агональной демократии с позиций классовой борьбы потенциально способен выявить внутренние противоречия (как идеологические, так, возможно, и логические) присущие данному направлению мысли.

Итак, для рассмотрение специфики общества агональной демократии в области регулирования и разрешения политических конфликтов, необходимо подробнее разобраться в самом феномене

политического конфликта, а также определить его специфические черты. Используя определение, предложенное А.В. Глуховой, признанной исследовательницы проблематики политического конфликта, : «политический конфликт - это теоретическая и практическая борьба субъектов политики - доверенных лиц больших социальных групп за власть и политическое доминирование с целью модифицировать, трансформировать или сохранить существующий политический и социальный порядок»⁴³, можно выделить наиболее значимую для данного исследования черту политического конфликта, а именно стремление к изменению социального порядка, или противодействие таковому.

В данной работе не ставится целью полемика с утверждением Козера о позитивных функциях социального конфликта и его значимости для общества. «Определенный уровень конфликта отнюдь не обязательно дисфункционален, но является существенной составляющей как процесса становления группы, так и ее устойчивого существования»⁴⁴, однако, для данного исследования, представляется разумным воспринимать политический конфликт в более узком смысле, то есть, как конфликт, вышедший за рамки функциональности, деструктивный.

Согласно Глуховой, можно выделить два основных подхода к исследованию социальных, а, соответственно, и политических конфликтов: поведенческий (бихевиористский) и структуралистский. В первом случае причиной конфликтов признается недостаточность какого-либо ресурса, за который и ведется борьба; во втором — социальная структура, предоставляющая неравные жизненные шансы различным группам. Поведенческий подход, таким образом, предполагает возможность регулирования конфликтов путем создания механизмов распределения благ. В структуралистском же подходе важно отметить влияние концепции

43 А.В. Глухова, Политические процессы, стр. 68

44Козер Л. Функции социального конфликта стр. 208

справедливости Ролза, а также, имплицитно заложенное представление о необходимости изменения самой структуры общества для удовлетворения интересов групп. Как упоминалось в предыдущей главе, именно здесь и пролегает различие между концепциями Ролза и постмарксистов: в то время как Ролз настаивает на необходимости консенсуса между конфликтующими группами для определения оптимальной структуры, постмарксисты являются приверженцами специфической логики диссенсуса, то есть признания неизбежного расхождения в ценностях и взглядах соперников. Поскольку, как консенсус, так и диссенсус, по сути дела являются дискурсивными практиками, то есть специфическими способами обсуждения сторонами ценностей, планов и проектов, а также отношения друг к другу, можно предположить следующее важное различие между теоретическими моделями, предлагаемыми Ролзом и постмарксистами: в случае модели Ролза можно говорить о выработке общего, устраивающего всех плана, как цели любого политического конфликта, в то время как в обществе агональной демократии постоянно сохраняется признание несовместимости планов и точек зрения различных групп.

Таким образом, возможно сравнить реальную ситуацию обсуждения противоборствующими сторонами ценностей и планов, с идеальными моделями Ролза и постмарксистов. «Политические дискуссии как форма политического конфликта отличаются особой ожесточенностью и постоянным обращением к этике со стороны участников таких дискуссий»⁴⁵. Иными словами, в реальных политических дискуссиях целью каждого из соперников является не столько достижение консенсуса, сколько попытки критики идей и ценностей оппонента, причем каждый «стремится не только к тому, чтобы опровергнуть эти идеи чисто логическими и научными аргументами, но и дискредитировать их, дискредитируя их автора»⁴⁶. Стоит

45 А.В Глухова, Политические процессы, стр. 69

46 Там же, стр. 70

подробнее разобрать этот момент: критика идей и личности противника возможна только в случае подразумеваемой возможности общности, где некие зрители, увидев крах своего ставленника, с необходимостью разделят идеи его оппонента. Таким образом, можно отметить, что логика консенсуса парадоксальным образом способствует ужесточению техники ведения политических дискуссий, а, соответственно, и самого политического взаимодействия, путем формирования негативного образа оппонента. «Выдавая лицензию поражать не только идеи, но и саму личность противника, логика политического поля чрезвычайно благоприятствует стратегии озлобленности»⁴⁷. Концепция же агональной демократии, исходя из логики диссенсуса, изначально провозглашает невозможным общность ценностей и интересов различных групп, вместо идеала консенсуса, как некой «общей воли народа», в ее основе лежат отношения агонизма, то есть легитимного уважительного соперничества. Таким образом, способ ведения политической дискуссии в обществе агональной демократии переходит скорее в область сочетания различных политик, в отличие от существующего поиска идеального для всех способа жизни. «Сосуществование противоречивых позиций может считаться важнейшим условием общественного прогресса. Именно через взаимодействие и сопоставление различных позиций и методов, через их синтез совершается развитие»⁴⁸. Важно отметить, что синтез, упомянутый выше, ни в коем случае не может приравнен к объединению, политик всех групп в общую политическую программу модернизации, подобные воззрения относятся к теориям консенсуса, таким, как уже упомянутая теория справедливости Роллза. Синтез, осуществляющийся в обществе агональной демократии, скорее можно уподобить коллажу, где разнородные элементы составляют некое целое, не смешиваясь и слабо взаимодействуя между собой. «То, что раньше ощущалось как угроза (борьба между большим количеством субъектов-

47 Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 227.

48 А. Глухова, В. Рахманин, Политическая конфликтология, стр. 12.

агентов за место власти) теперь становится условием легитимного проявления власти (Перевод мой — А.К.)»⁴⁹.

Восприятие политического конфликта предлагаемое концепциями постмарксистов легитимизирует конфликт, придает ему статус не просто необходимого зла, но скорее естественного способа взаимодействия групп и регуляции общественной жизни, одновременно с этим идеологически выписанный идеал единства общества, заменяется на продуктивную модель групп-соперников, что куда более соответствует существующим реалиям. Изменение характера политической дискуссии не только создает способ канализации напряжения путем изменения способа дискурсивного взаимодействия, но и потенциально способно повлиять на взаимодействие политических субъектов вне поля диалога. Артикулированное различие между группами внутри общества и признание его как должного, позволяет также смягчить восприятие иных культур и общностей, различия не затушевываются, как это свойственно обществу неолиберализма, а соответственно и исчезает тенденция к росту напряженности и ксенофобии в обществе, что Рансьер называл «новым расизмом».

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на теоретичность модели общества агональной демократии и недостаточность ее проработки, можно утверждать, что концепция постмарксистов ближе к существующей политической реальности, чем модель общества консенсуса, а, соответственно, потенциально может быть использована для создания конкретных институтов профилактики и регулирования конфликтов.

Переходя к вопросу о разворачивании и регулировании классового конфликта в обществе агональной демократии, необходимо сразу оговорить упоминавшуюся в прошлой главе специфичность воззрений постмарксистов.

⁴⁹ Postmodernism or Class? Yes, Please Slavoj Žižek, Contemporary Marxist Theory, стр. 178. («What was previously experienced as a threat (the struggle between more subjects-agents to fill in the place of power) now becomes the very condition of the legitimate exercise of power.»)

В их работах речь идет не о противостоянии между пролетариатом и буржуазией, находящихся в отношении соответственно эксплуатируемого и эксплуатирующего классов, для постмарксистов характерен отказ от четкой классовой структуры в пользу куда более абстрактного представления о группах идентичностей, для которых классы служат лишь одним из вариантов объединения. Таким образом, речь идет скорее о некоей общности, характеризующейся подчиненным положением и осознающей себя через различного рода идентичности (классовую, расовую, гендерную и т.д) с одной стороны и общности, обладающей различного рода привилегиями с другой. Соответственно, в виду отсутствия четких критериев принадлежности к какой-либо из этих общностей, а, вернее, их текучести и взаимозаменяемости, можно утверждать, что разделения на подчиненных и гегемона в обществе, по мнению постмарксистов, является во-первых динамическим и меняющимся в зависимости от угла зрения исследователя, а во-вторых, существует не как объективная данность, но скорее как дискурсивно созданное разделение. Иными словами, в пространстве политического происходят непредсказуемые и частые изменения, и любая группа в нем по определению нечетка и проявляет себя в основном во взаимодействии с другими общностями. Однако, так или иначе, в обществе могут быть выделены группы, характеризующиеся более выгодным социальным и политическим положением, и, соответственно, обладающие большей властью в пространстве дискуссии.

Конфликт между гегемоном и подчиненными общностями реализуется, таким образом, в пространстве политического; группа-гегемон, обладая большими ресурсами, а, соответственно, и возможностями транслировать свои представления, делает свои идеи, проекты, ценности фактически официальными и единственными ценностями всего общества. Интересы подчиненных групп замещаются на интересы гегемона, причем, что важно отметить, не насильственным путем, а скорее через трансляцию

иллюзорной идеи единства общества. Противоборство с гегемоном, представленное в модели агональной демократии, реализуется как раз через критику так называемых узловых точек гегемонии, то есть смыслом, основополагающих для господствующей группы и поддерживающей ее господствующее положение. "Гегемония удерживается через выстраивание узловых точек, которые дискурсивно фиксируют смысл институций и социальных практик, благодаря чему и торжествует определенная концепция реальности"⁵⁰. Агональная демократия предполагает замену одной системы ценностей и смыслом множественностью открыто транслируемых воззрений несовместимых групп, где замещение интересов подчиненных групп целями гегемона будет затруднено. Таким образом, по мнению постмарксистов, логика диссенсуса в сфере политического вынудит гегемона реализовывать и часть интересов подчиненных, чтобы поддержать и упрочить свое господство.

Логика классовой борьбы, таким образом, замещается логикой понуждения гегемона к сотрудничеству, что напоминает классические воззрения Грамши, за тем исключением, что роль гегемона отводится отнюдь не пролетариату. Переход от революционной борьбы к политике давления на гегемона через дискурсивное пространство может быть расценен двояко: с одной стороны, подобная модель предполагает снижение уровня напряженности и конфликтности в обществе, поскольку предполагает относительно мирный способ артикуляции недовольства и канализации конфликтного напряжения, с другой же — реальное влияние требований групп на общественную политику остается в руках исключительно гегемона, что потенциально может привести к колоссальному росту недовольства при недостатке внимания к нуждам групп со стороны власти.

Также, очень важно отметить, что подобная модель классового конфликта, по сути дела отменяет антагонизм между пролетариатом и

50 Ш. Муфф, К агонистической модели демократии.

буржуазией, заменяя его на некоторое подобие симбиотических отношений, сходную с современными представлениями о социальном партнерстве.

2.2. Перспективы регулирования политических конфликтов в обществе агональной демократии.

Концепция постмарксистов об отказе от признания принципиальной важности классовой идентичности и сведению ее лишь к одному из способов осознания единства открывает возможность для критики модели агональной демократии с позиций классического марксизма. Воззрения постмарксистов имплицитно предполагают возможность совмещения интересов всех классов, пусть и без потенциального объединения интересов. Иными словами, как уже упоминалось выше, агональная демократия постулирует радикальную различность идей и ценностей всех групп, но одновременно и утверждает возможность их одновременной реализации и сосуществования. Однако подобное утверждение имеет смысл лишь до тех пор пока речь идет о различных интересах, не совпадающих, но и не вступающих в противоречие друг с другом. Согласно классическому марксизму, интересы пролетариата и буржуазии противоположны, то есть удовлетворение интересов буржуазного класса с необходимостью приводит к ущемлению интересов пролетариев, и наоборот. Таким образом, если мы говорим о классовом конфликте в терминах конфликтологии, то можно утверждать, то реализация интересов обеих сторон тут невозможна (Цитата из Дарендорфа), а соответственно, концепция агональной демократии на деле служит какому-то одному из этих классов, но никак не обоим сразу. Учитывая подчиненное положение пролетариата, а также исторически сложившуюся структуру классовых отношений, можно утверждать, что концепции, призванные к совмещению интересов всех классов и уменьшению интенсивности классовой борьбы, фактически являются реакционными, и служат укреплению позиций

буржуазии.

С другой стороны, критике как реакционной идее может быть подвергнуто само приравнивание классовой идентичности к гендерной, политической, профессиональной, религиозной и прочей. Подобное уравнивание может быть воспринято как попытка обосновать разобщенность пролетариата, целью которой является укрепление буржуазных сил общества. Как было отмечено в Манифесте коммунистической партии, «прогресс промышленности, невольным носителем которого является буржуазия, бессильная ему сопротивляться, ставит на место разъединения рабочих конкуренцией революционное объединение их посредством ассоциации»⁵¹. Таким образом, с позиций классического марксизма, именно в объединении рабочих посредством классовой идентичности и лежит потенциальная возможность революционного перестроения общества. «С развитием крупной промышленности из-под ног буржуазии вырывается сама основа, на которой она производит и присваивает продукты. Она производит прежде всего своих собственных могильщиков. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны»⁵². Концепции же постмарксизма ослабляют тенденцию пролетариата к объединению, и, соответственно, могут быть восприняты как буржуазное переосмысление классического марксизма. Соответственно, необходимо подробнее изучить влияние постмарксистских идей на возможность осуществления классовой консолидации пролетариата. Безусловно, внимание постмарксистов, и в частности Шанталь Муфф, к гендерной и феминистской проблематике — важная и необходимая работа, однако, в данном случае, важно рассматривать постмарксизм в контексте классического понимания марксизма, с сохранением присущих ему ценностей и аксиом, чтобы суметь прояснить внутренне противоречивые места концепции агональной демократии, требующие более подробного

51 К. Маркс, Ф. Энгельс 1848 г. Манифест коммунистической партии.

52 Там же.

рассмотрения.

Само название *пост-марксизм* естественным образом отсылает нас к работам Маркса, а, соответственно, и указывает на подразумеваемую прогрессивность данного направления теоретической мысли, как и его поддержку эксплуатируемым группам в обществе. Однако, важно помнить, что «буржуазный производственный и издательский аппарат может ассимилировать и даже пропагандировать поразительное количество революционных тем, не ставя всерьез под сомнение свое собственное существование и существование владеющего этим аппаратом класса»⁵³. Иными словами, Беньямин — известный теоретик марксизма и политический философ, указывает на тот факт, что с ростом популярности идей марксизма, радикальный дискурс классовой борьбы с необходимостью будет усваиваться господствующим классом, будут появляться концепции, заимствующие термины прогрессивных учений, однако на деле служащие интересам лишь господствующего класса. Таким образом, при осмыслении работ постмарксистов важно более подробно изучить вопрос о том, интересы какого класса реализовывают эти теории.

Стоит, конечно, сделать оговорку, данная критика не претендует на полноту, ее целью является лишь наметить направления возможной полемики с представителями постмарксистского направления в политической философии, с целью продуктивного изменения существующих воззрений на общество в целом, и классовые отношения в нем.

Еще одним представляющимся продуктивным направлением критики постмарксизма может служить концепция общества зрелища Ги Дебора радикального мыслителя, чьи работы несомненно далеко отходят от идей классического марксизма, однако позволяют взглянуть на современное общество и процессы, характерные для него под специфическим углом и по

⁵³ В. Беньямин, Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. с. 143.

другому оценить многие современные тенденции. Необходимо сразу же оговорить некоторые трудности, связанные с переводами работ Ги Дебора: термин «общество зрелища» переводили и как «общество спектакля», что, в известной степени искажает представления Ги Дебора, поскольку слово спектакль вводит в термин имплицитно подразумеваемую фигуру, этот спектакль устраивающую, что может привести к искажению значения концепции. В дальнейшем будут использованы оба варианта перевода, в тексте работы их стоит принимать за равнозначные.

Открывает возможность для критики теорий постмарксистов новаторское понимание Ги Дебором публичного пространства. Если постмарксисты принадлежат к направлению, во многом вернувшемуся к античным идеям о публичном как о пространстве подлинного, откровенного межличностного взаимодействия, "пространства спора"⁵⁴, где возможно нахождение баланса между сторонами, то Ги Дебор более пессимистичен: в основе его концепции лежит понимание публичного как зримого, как некоей области, где разворачивается зрелище, отчуждающее людей от их жизни. «Спектакль нельзя понимать ни как искажение видимого мира, ни как продукт технологии массового внедрения образов. Скорее это мировоззрение, [...], реализовавшееся в действительности, облекшееся плотью материального. Это видение мира, вдруг ставшее объективным»⁵⁵. Здесь можно отметить некоторое сходство с воззрениями Георга Зиммеля, описывавшего современность как «процесс объективации содержаний культуры, который ... создает между субъектом и его творениями все растущую чуждость, проникает, в конце концов, во внутреннее переживание повседневной жизни»⁵⁶

Иными словами, публичное — место трансляции другим воззрений господствующих групп — с развитием технологии и капитализма постепенно

⁵⁴ Жак Рансьер, Несогласие, стр. 92.

⁵⁵ Ги Дебор, Общество спектакля, с 25.

⁵⁶ Зиммель Г. Избранное. В 2 т. М., 1996. Т.2. С.545.

подменяет собой реальность, опосредуя восприятие мира не только буржуазии, но и всех классов. Нельзя сказать, что у этого процесса, есть какой-то центр, «зрелище» Ги Дебора — находится в каждой точке общества, отчуждая представителей всех без исключения классов от жизни и публичного пространства, становясь своеобразным экраном. Таким образом, идеология в классическом ли ее понимании Марксом как «представления, которые создают себе эти индивиды, [...] либо об их отношении к природе, либо об их отношениях между собой»⁵⁷, или постмарксистском значении смысловой гегемонии становится лишь частью зрелища. Как таковое общество уже не доступно, взаимодействия групп заменяются на обмен образами, которые оцениваются сообразно существующим представлениям о зрелище. Соответственно, и методы межклассового взаимодействия должны быть переосмыслены, поскольку любой протест в обществе зрелища становится лишь образом протеста, укрепляя существующий строй, поскольку реальные действия, направленные на изменения состояния общества будут восприниматься и оцениваться лишь в качестве, условно говоря, «зрелища», то есть некоего события, производящего впечатление на общество, отвлекающего от повседневности, но ни в коем случае на мотивирующего на включение в борьбу. Здесь можно увидеть известную аналогию с бартовским пониманием мифа, рассматривающим идеологию как «действие, посредством которого буржуазия превращает реальный мир в образ мира, Историю в Природу»⁵⁸, то есть протест натурализуется, теряет свои политические корни, превращаясь в объект Природы, то есть — зрелище.

Представим себе, описанное выше общество агональной демократии, держа в уме, влияние зрелища на любой протест. Публичные дискуссии, приверженность логике диссенсуса, неприятие консенсуса, поиск

57 К. Маркс, Ф. Энгельс, собрание сочинений т.2., стр. 24

58 Р. Барт, Мифологии, стр. 303-304.

не компромисса, но совмещения путей развития несводимых друг к другу общностей — краеугольные камни агональной демократии — становятся здесь яркими образами протеста, становящимися достоянием общественности, отвлекающими ее от реального протеста, или просто взаимодействия с гегемоном. Иными словами, агональная демократия, по сути представляется здесь своей противоположностью — критика гегемона с целью улучшения условий жизни каждой группы, превращается в зрелище, отвлекающее все эксплуатируемые группы от реальной борьбы за господство и усиливающее гегемона.

Таким образом, критика с двух сильно отличающихся друг от друга позиций — классического марксизма и концепции общества зрелища Ги Дебора, приводит к одному выводу: постмарксистская модель агональной демократии фактически предполагает сведение классового конфликта по линии «пролетариат — гегемон», к взаимодействию, где пролетариат принимает пассивную роль, довольствуясь прогрессивными реформами, проводимыми гегемоном, исключительно по его, гегемона, инициативе. Подобное утверждение, однако, не носит обвинительный характер, важно помнить, что такая характеристика с необходимостью является некоторым упрощением, а целью ее является наметить точки для более подробного анализа постмарксистского проекта. Действительно, с точки зрения классического марксизма и ситуационизма Ги Дебора, агональная демократия может выглядеть реакционным отказом от борьбы. Однако, учитывая различное восприятие общества этими концепциями, прежде чем выносить однозначное решение по поводу места проекта агональной демократии в отношениях гегемонии, необходимо более подробно изучить выделенные в этой работе противоречия, а также адекватность каждой из приведенных концепций современной ситуации.

Заключение.

Целью данной работы было рассмотрение специфики протекания и регулирования политического конфликта в концепции общества агональной демократии.

Одной из основных задач этой работы был анализ концепции общества агональной демократии, представленного в работах Ш. Муфф, Э. Лаклау и Жака Рансьера. Общей чертой этих работ можно назвать негативное восприятие либеральной демократии, в частности института представительства, характерного для агрегативной модели.

Говоря в опостмарксистской концепции в целом, следует выделить в работах представленных авторов некоторые, важные для характеристики общества агональной демократии черты. Работы Эрнеста Лаклау, помимо несомненной важности для политической философии в целом, примечательны анализом общественных движений, в частности политических протестов, с позиций анти-эссенциализма. Иными словами, Лаклау отходит от классического понимания заинтересованных групп и концентрирует внимание на требовании, как символе, объединяющем людей. По его мнению, необходимо направить усилия на понимание механизма объединения людей через язык требований, поскольку любое популистское движения является слишком хаотичным, чтобы понять его, используя классические методы анализа. Подобная смена перспективы может дать конфликтологии лучшее понимание механизмов политической деятельности масс, не регулируемой общественными институтами.

Вторым аспектом проанализированных работ, имеющим значение для конфликтологии в целом, можно назвать концепцию агональной демократии Шанталь Муфф, поскольку данная модель в своей основе имеет конфликт. По мнению Муфф, конфликт – неотъемлемая часть политической

жизни, по самой природе политики он не может быть разрешен на латентной стадии своего развития, таким образом, целью агональной модели демократии является создание института политического взаимодействия, задающего определенные рамки политического конфликта и способы его направления в конструктивное русло. Упомянутые выше характеристики делают модель агонистической демократии одной из наиболее совпадающих с современными конфликтологическими представлениями. Помимо механизмов регулирования конфликта «сверху», которые представлены и в существующих моделях, Муфф создает проект институтов, позволяющие сторонам контролировать течение конфликта, уменьшая его деструктивные для общества последствия.

Воззрения постмарксистов на общество позволяют определить конфликтогенные зоны, необнаружимые с помощью классических концепций. Также, конфликт в работах постмарксистов признается за неотъемлемую черту общественной жизни, а меры по стабилизации его протекания и минимизации деструктивных последствий занимают важное место в их теории. Таким образом, несмотря на недостаточную разработанность практических методов в работах постмарксистов, можно сделать вывод, что использование их теории в конфликтологических исследованиях может принести новые и полезные данные.

Говоря о механизмах регулирования межгрупповых политических конфликтов, предлагаемых в концепции общества агональной демократии, необходимо упомянуть о логике диссенсуса, потенциально способной предотвращать межгрупповые политические конфликты, путем снижения агрессивности и конфликтогенного потенциала сторон, через создание института дискуссий, основанном на принципиальной инаковости сторон несводимости их ценностей к общему идеалу. Таким образом, минимизируется роль ценностного измерения конфликта, которое, зачастую, оказывается причиной наиболее деструктивных способов взаимодействия.

Соответственно, можно утверждать, что в работах постмарксистов можно найти определенное количество идей, способных лечь в основании новых способов регулирования и, главное, предотвращения, политических конфликтов.

Однако, если рассматривать политический конфликт в более широком смысле, а именно как конфликт классовый, где сторонами являются две общности (эксплуатирующих и эксплуатируемых), необходимо отметить, что, как при анализе агональной демократии с позиций классического марксизма, так и с точки зрения более радикальной концепции Ги Дебора, предложенный постмарксистами проект выявляет в себе некоторые противоречия, которые могут быть трактованы, как отказ от классовой борьбы и поддержка существующей гегемонии. Вопрос, об общественной полезности такого предложения, однако, не может быть рассмотрен в рамках столь ограниченной по объему работы, ввиду своей глобальности.

Подводя итог, можно утверждать, что концепция общества агональной демократии имеет определенный конфликторазрешающий потенциал: с одной стороны создавая специфическую форму политической дискуссии и, таким образом, регулируя протекание межгруппового политического конфликта; с другой стороны, устанавливая схему взаимодействия политических групп и гегемона, концепция общества агональной демократии предполагает снижение конфликтологической напряженности общества. Однако, упомянутые выше противоречия, необходимо рассмотреть более подробно, поскольку они потенциально способны привести к деструктивным последствиям.

Список литературы.

- 1) *Бадью А.* Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике / Пер. с фр. Б Скуратов, К. Голубович. М.: Издательство "Логос". 2005. - 240 с.
- 2) *Барт Р.*, Мифологии / Ролан Барт; [пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина]. - [3-е изд.]. - Москва : Академический проект, 2014. - 351 с.
- 3) *Беньямин В.*, Учение о подобию : медиаэстетические произведения / Вальтер Беньямин; [пер. с нем.: И. Болдырева и др.] Рос. гос. гуманитар. ун-т. - Москва : Издательский центр РГГУ, 2012. - 287 с.
- 4) *Бурдьё П.* Социология политики: Пер. с фр./Сост., общ. ред. и предисл. Н.А.Шматко./ — М.: Socio-Logos, 1993. — 336 с
- 5) *Витгенштейн, Л.* Философские работы. Ч. I.\ М., 1994. 397с.
- 6) *Глухова А.В.* Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). Изд. 2-е.- М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 280 с.
- 7) *Глухова А.*, Рахманин В. , Политическая конфликтология. Воронеж: ВГУ, 2002. — 295 с.
- 8) *Грамини, А.*, Тюремные тетради, в 3-х частях. Т. 3.\ Политиздат, 1991.
- 9) *Дарендорф Р.* Тропы из утопии / Р. Дарендорф. Пер. с нем. Б. М. Скуратова, В. Л. Близнекова. — М.: Праксис, 2002. — 536 с.
- 10) *Дебор Г. Э.*, Общество спектакля / Ги Дебор; Пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович [Послесл. А. Кефал]. - М : Логос (Радек), 2000. - 183 с.
- 11) *Ж.-П.Вернан*, Происхождение древнегреческой мысли\ М., 1988
- 12) *Зиммель Г.* Избранное. В 2 т. М.,1996. Т.2.
- 13) *Маркс К., Энгельс Ф.* , собрание сочинений. 2-е изд. Т.2, Государственное издательство политической литературы, 1955

- 14) *Козер Л.* Функции социального конфликта / Л. Козер. Перевод с англ. О. А. Назаровой — М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.
- 15) *Лакло, Э.* О популизме [Интернет-журнал «Гефтер»]. - <http://gefter.ru/archive/12049> - дата обращения 12.05.2016
- 16) *Магун А.В.* Единство и Одиночество: Курс политической философии Нового времени. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2011. - 544 с.
- 17) *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии//Соч. 2-е изд. Т.4, М.: Государственное издательство политической литературы, 1955
- 18) *Матвеев И.А.* Политическая теория Э. Лакло. М., 2014. стр. 16.
- 19) *Муфф, Ш.,* К агонистической модели демократии// Логос 2(42) 2004. С. 180-197.
- 20) *Муфф, Ш.,* Карл Шмитт и парадокс либеральной демократии// Логос 6(45) 2004. С. 140-153.
- 21) *Муфф, Ш.,* Радикальная демократия и агонистическая политика [Интернет-журнал «Гефтер»] - <http://gefter.ru/archive/10569> - дата обращения 12.05.2016
- 22) *Рансьер Ж.,* На краю политического\ Пер. с фр. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2006. – 191с.
- 23) *Рансьер, Ж.,* Несогласие: Политика и философия / Пер. с франц. и прим. В. Е. Лапицкого. — СПб.: Machina, 2013. — 142 с.
- 24) *Современная западная философия, Энциклопедический словарь/* Под ред. О. Хеффе., В.С. Малахова, В.П. Филатова при участии Т.А. Дмитриева. Инт. Философии. – М.: Культурная революция, 2009. – 392с.
- 25) *Шмитт, Карл,* Духовно-историческое состояние современного парламентаризма//Социологическое обозрение Том 8. № 2. 2009 с. 6-16.
- 26) *Шмитт, Карл.* Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1.

С. 37-67.

27)Шумпетер, Йозеф, Капитализм, социализм и демократия\ М.: Эскмо – 2007. – 523с.

28)Butler J., Laclau E., Žižek S. Contingency, Hegemony, Universality: Contemporary Dialogues On The Left. – L.:Verso, 2000.

29)Laclau E., Mouffe C., Hegemony and socialistic strategy. Verso, London, 2001.

30)Žižek S. Postmodernism or Class? Yes, Please/ Contemporary Marxist theory : a reader / edited by Andrew Pendakis, Jeff Diamanti, Nicholas Brown, Josh Robinson, and Imre Szeman. Bloomsbury Academic. London. 2014